

Печатнов В. В.

52 Божественная литургия в России и Греции.
Сравнительное изучение современного чина.

М.: Издательство «Паломник», 2008. — 367 с.

Даже самого поверхностного знакомства с греческой и русской литургическими традициями достаточно, чтобы увидеть множество различий между ними: и в музыкальном строе, и в суточном круге богослужений, и в практике благочестия. Разные языки, политические барьеры и даже просто географическая удалённость разделяли два православных народа в течение многих столетий. Впрочем, несмотря на всё это, в чине Божественной литургии, отношении к которому всегда было особенно благоговейно, а изменения вносились особенно осторожно, несовпадения оказываются минимальными. Можно сказать, что в целом порядок совершения литургии в русской и греческой традиции одинаков. Тем более интересно разобратся в природе имеющихся «незначительных» отличий, проследить историю их возникновения и понять смысл. Именно этому и посвящена книга В.В. Печатнова. Автор методично, фразу за фразой сравнивает современное русское и греческое чинопоследование литургии — дело, каза-

лось бы, довольно скучное, но на поверку оно оказывается необычайно увлекательным. Ведь за каждой деталью, за каждой иотой стоит долгая история, а часто и содержательные животрепещущие богословские вопросы. Литургия — это самая сердцевина церковной жизни, в ней нет «мелочей», которые можно было бы свободно менять или добавлять, каждое такое изменение заметно всем, всеми осмысливается, а значит, признаётся или не признаётся Церковью.

Итак, основное содержание книги составляет подробно прокомментированное перечисление расхождений греческого и русского чина литургий Иоанна Златоуста и Василия Великого. (Автор сознательно ограничивается только неизменяемыми элементами литургий.) Каждое различие рассматривается по стандартной схеме. Сначала — фрагмент текста: в три колонки выписывается славянский текст московского служебника 2004 года, греческий текст иератикона 2004 года и его перевод на славянский. Одно это уже весьма ценно: в параллельных текстах несовпадения и их характер сразу же становятся очевидными; особенно помогает славянский перевод греческой службы. Далее автор излагает основной смысл фрагмента службы, варианты его толкования у Отцов и известных литургистов, приводит символическую и историческую трактовку. Затем следует история формирования греческого и русского варианта соответствующего места, а также осмысление его эволюции. Заканчивается каждый раздел выводами и даже осторожными рекомендациями, какая практика более предпочтительна.

Какие же результаты может дать такой сухой, систематический подход к поэтическому и таинственному тексту Божественной литургии? Картина оказывается очень интересной.

Часть расхождений имеет чисто исторический характер. Например, возглашение «Господи спаси благочестивыя» попало в русский чин из греческой патриаршей службы; первоначально звучало как «Господи, спаси цари», но чтобы не молиться за султана, греки ввели уточнение — «благочестивые». В русской же традиции прошения оказались включёнными и в будничные чины.

Другие расхождения несут отпечаток особой культурной обстановки. Так, практически повсеместное опущение в греческой приходской практике ектении об оглашенных, а вместе с ней и сугубой: после чтения Евангелия сразу следует Херувимская, — автор объясняет легкомыслен-

ным отношением «прогрессистов» XIX века к церковному уставу. В то время считалось хорошим тоном сокращать службы, «урезывая помалу то, что можно сократить без шума, и замещая это наставлением в евангельской морали».

Некоторые расхождения имеют содержательное каноническое и богословское значение: надо ли помянуть ангелов на проскомидии; когда следует погружать поминальные частицы в чашу; оправдано ли «двойное поминовение», то есть поминовение за литургией не только правящего архиерея, но и патриарха.

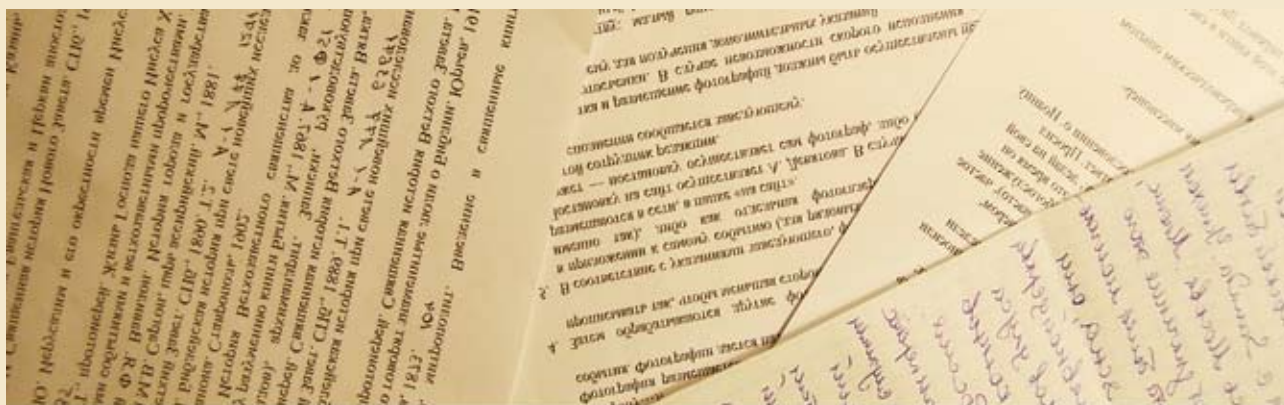
Замечательно, что русский чин, возникший как перевод с греческого, а при патриархе Никоне ещё раз приведённый в соответствие с греческими книгами, нередко содержит более древние формы, оказываясь, таким образом, старше «оригинала». Дело в том, что в России, особенно после печального опыта литургических реформ XVII века, соблюдение точности слов и выражений почти приравнялось к сохранению православной веры, и за последние 300 лет поправок в текст практически не вносилось. В некоторых случаях это позволило сохранить древние и более точные выражения, как, например, «Тебе приносяще (о всех и за вся)», вместо современного греческого «Тебе приносим...» В других положениях русский консерватизм сослужил плохую службу, способствуя сохранению элементов греческого богослужения XVI века, которые в самой Греции были впоследствии отвергнуты — греки вообще относятся к изменению текста чинопоследования достаточно спокойно. Так было с тропарём третьего часа, вставленного в молитву епиклезы.

Несомненным достоинством книги является тщательное согласование различных авторитетов: естественным образом изложение носит синтетический характер, так что мнение и оценка автора почти незаметны на фоне подробного пересказа и цитирования рассуждений предшественников. При этом особенно ценна беспристрастность изложения: на страницах сочинения встречаются и ведут беседу такие разные люди как Р. Тафт, П. И. Мейендорф, А. А. Дмитриевский, «отец

современной греческой литургии» И. Фундулис, прот. Валентин Асмус, Н. Д. Успенский, С. Муретов, прот. Александр Шмеман, внося определённый вклад в общую картину. Большое значение имеет хорошее знакомство В. В. Печатнова с греческой школой литургии, о достижениях которой в русскоязычном пространстве имеют весьма слабое представление, недаром ведь работа писалась под редакцией профессора Салоникского университета Панайота Скальциса. Собственно, книга и воспринимается у нас как исследование особенностей литургии, которые становятся заметными при сравнении с греческим чином — с русским чином мы уже настолько срослись, что просто его не замечаем.

Как написано на обложке, книга адресована всем, кто интересуется Божественной литургией сегодня. Конечно, если Вы литургией интересуетесь, но не представляете, что такое аллилуарий или чем отличается литургия Василия Великого от литургии Иоанна Златоуста, то избыливающий ссылками и сносками текст «Божественной литургии в России и Греции» едва ли будет Вам интересен. Даже терминология, принятая автором, требует от читателя некоторых усилий: например, проскомидия повсюду называется «протесисом». Несомненно, однако, что все, кто серьёзно интересуется историей и смыслом чинопоследования литургии, прочтут книгу с большим вниманием. Так что остается выразить благодарность В.В. Печатнову за прекрасную книгу, опубликованную, кстати говоря, на средства семьи автора — до сего дня сохраняет актуальность горькое замечание Н. Н. Глубоковского, сказанное им про дореволюционное время: «Богословское издательство являлось собственно не удовлетворением реальных запросов, а, скорее, простой жертвой ревности отдельных лиц... В богословской области все и каждый писали в России больше по своему индивидуальному влечению и печатали на свой „страх“, вовсе не исключительно материальный...»

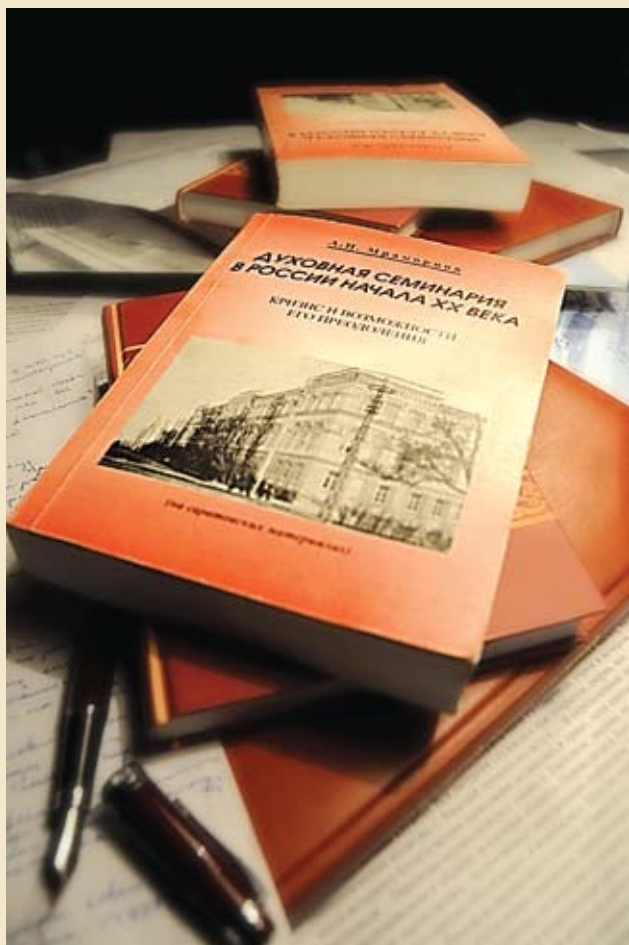
Диакон Николай Солодов, II курс МДА

А. Мраморнов

Духовная семинария в России начала XX века. Кризис и возможности его преодоления.

Саратов: Научная книга, 2007. — 436 с.

Согласно классическому критерию, в прекрасном форма должна соответствовать содержанию. К сожалению, этого нельзя сказать про книгу А.И. Мраморнова: от 400-страничной монографии под названием «Духовная семинария в России начала XX века», в которой «впервые в современной исторической литературе разбираются проблемы средней духовной школы в России начала XX в.», естественно ожидаешь всё-таки большего, чем просто изложения истории Саратовской семинарии в предреволюционный период. Поэтому советую заранее подготовиться: книга умная, нужная, интересная, но речь в ней идёт не о семинарском образовании в целом, а лишь об одной провинциальной семинарии, причём рассмотренной в достаточно узких хронологических рамках.

Композиция книги, некоторые стандартно-диссертационные обороты речи, а также статус автора — на момент написания аспирант исторического факультета МГУ — наводят на мысль, что перед нами предварительная версия канди-

датской работы: вступление, заключение, пять глав и приложения, занимающие чуть более половины объёма издания. — Что заставило автора отказаться от традиционного способа представления результатов в виде серии статей в научных журналах и опубликовать свою работу монографией — *as is* — остается только гадать. Несомненно одно: попав не в свою «весовую категорию», издание оказалось в проигрышном положении и вызвало немало критических отзывов, о чём сообщает сам автор на рекламной страничке в интернете.

Впрочем, первое разочарование не должно помешать читателю оценить и достоинства книги. Исчерпывающий обзор современных научных изданий по истории семинарий начала XX века, вдумчивый анализ семинарского устава 1884 года, подробное, составленное с привлечением обширного архивного материала, описание жизни Саратовской семинарии и её преподавателей — всё это есть в книге А. Мраморнова.

По ходу дела автор касается самых разных деталей: одежда семинаристов — очень хотелось подражать студентам, поэтому старшекласники носили светлые тужурки; процент духовенства среди администрации — 100% ректоров и только 21,5% среди инспекторов имели сан; обязательные занятия гимнастикой; подпольные семинарские журналы — в приложении приведены некоторые материалы из нелегального журнала «Семинарист»; невероятно звучащие подробности — в 1904 году семинаристы курили прямо в постели. Кульминацией книги и всего хода пред-революционной истории Саратовской семинарии становится убийство инспектора Целебровского бывшим семинаристом...

Нет смысла подробнее пересказывать содержание работы. Жизнь семинарий — и это очень ясно видно на примере Саратовского «рассадника» — внешне рутинная и тягучая, внутренне была очень напряженной и контрастной, «бурлящий котел», скрытый за благочестивым бюрократизмом и принудительной аскетикой. Ведь из тогдашних семинаристов вышли и революционеры и новомученики, и святые и атеисты, — те кто определил будущее России в беспокойном XX веке.

Книга будет интересна всем, кто серьезно, на уровне фактов, а не «с высоты птичьего полета» занимается историей духовного образования.

Диакон Николай Солодов, II курс МДА